

УДК 291.1

DOI:10.18413/2408-932X-2026-12-1-1-5

Мандриков И. А.

**Кровь как элемент сакрализации насилия
в обрядах жертвоприношения древних культур**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия;
il.mandrikoff@yandex.ru

Аннотация. Статья исследует, как кровь функционировала в обрядах жертвоприношения и какое значение ей придавалось в мифологическом и религиозном сознании людей древних цивилизаций. Кровь рассматривается как символ и сакральный элемент, играющий ключевую роль в процессах поддержания космического и социального порядка, установления связи между сферами человеческого и божественного. На основе сравнительного изучения источников по шумерской, древнеегипетской, греческой, римской, ведической и мезоамериканской традициям выявляются как специфические, так и общие элементы ритуальной практики, связанные с использованием крови. Для анализа берутся как текстовые источники, так и археологические данные, что позволяет выявить устойчивые модели использования крови в ритуалах. Анализируется разнообразие ритуальных форм и функций кровавых жертвоприношений, их роль в религиозной практике и общественной жизни. Делается вывод о значении ритуальных практик жертвоприношения и крови как сложного культурного и религиозного механизма, посредством которого древние общества признавали допустимые формы насилия и придавали им сакральную легитимность.

Ключевые слова: кровь; жертвоприношение; сакральное; ритуал; жизненная сила; цивилизация; религиозная символика; насилие

Для цитирования: Мандриков, И. А. (2026), «Кровь как элемент сакрализации насилия в обрядах жертвоприношения древних культур», *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 12(1), 172-182, DOI:10.18413/2408-932X-2026-12-1-1-5

I. A. Mandrikov

Blood as an element of the sacralization of violence in the sacrificial rites of ancient cultures

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia;
il.mandrikoff@yandex.ru

Abstract. This article analyzes the significance and symbolism of blood in sacrificial rites across various ancient cultures. It examines how blood functioned in sacrificial rites and the significance it was attached to in mythological and religious consciousness. Blood is viewed as a symbol and sacred element, playing a key role in maintaining cosmic and social order, as well as establishing a connection between the human and divine realms. A comparative study of sources from the Sumerian, ancient Egyptian, Greek, Roman, Vedic, and Mesoamerican traditions reveals both specific and common

elements of ritual practice associated with the use of blood. Both textual sources and archaeological data are used for the study, revealing consistent patterns of blood use in rituals. The diversity of ritual forms and functions of blood sacrifices, their role in religious practice and social life, are analyzed. The conclusion is drawn about the significance of ritual practices of sacrifice and blood as a complex cultural and religious mechanism through which ancient societies recognized acceptable forms of violence and gave them sacred legitimacy.

Keywords: blood; sacrifice; sacred; ritual; life force; civilization; religious symbolism; violence

For citation: Mandrikov, I. A. (2026), “Blood as an element of the sacralization of violence in the sacrificial rites of ancient cultures”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 12(1), 172-182, DOI:10.18413/2408-932X-2026-12-1-1-5

Согласно исследованиям антропологов и археологов, жертвоприношение является одним из наиболее распространенных религиозных ритуалов, охватывающих множество разнообразных человеческих культур. От архаических культов и до более поздних цивилизаций Месопотамии, Древнего Египта и т. д. практика принесения жертв занимала одно из главных мест в религиозной и общественной жизни. В дальнейшем этот ритуал также проявлял себя в мировых религиях; пример – искупительная жертва Иисуса Христа.

Кровавые жертвоприношения занимают особое место в религиозных практиках древних культур, выступая одной из форм взаимодействия человека с сакральным. Насилие, совершаемое в рамках данного ритуала, отличается от обыкновенного насилия, поскольку оно не только допускается, но и может предписываться религиозной традицией, приобретая статус необходимого условия поддержания космического и социального порядка. В этом процессе кровь играет ключевую роль, выступая не только одним из элементов жертвоприношения, но и средством сакрализации насилия. Через проливание крови насилие включается в символическую систему ритуала, где оно осмысливается как жертва, подношение или форма сакрального обмена.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью выявления и анализа тех механизмов, посредством которых кровавое жертвоприношение превращает насилие из разрушительного акта в сакрально оправданную и социально допустимую практику. Рассмотрение крови как медиатора между миром профанным и сакральным позволяет поставить вопрос о том, каким образом религиозный ритуал формировал устойчивые модели восприятия насилия.

Вопрос о роли жертвенных практик и значения крови в них неоднократно становился предметом внимания исследователей, однако преимущественно в рамках отдельных или специализированных исследований. Так, можно привести в пример работы М.Ф. Альбедилья (Альбедилья, 2020), С.Н. Крамера (Крамер, 1965) и Ж. Сустель (Сустель, 2007). В античной традиции вопросы жертвы и очищения рассматривались, в частности, Платоном, Т. Ливием и другими античными авторами, а их философская интерпретация подробно освещена в работах Ю.Г. Харитоновой (Харитонова, 2020) и А.Е. Серикова (Сериков, 2021). Особо стоит отметить работу А.Я. Кожурина (Кожурин, 2023), посвященную рассмотрению того, как изменилось понимание и значение крови в истории человечества.

Прежде чем переходить к проблематике крови, необходимо для начала уточнить, что стоит за термином «жертвоприношение». Согласно классическому исследованию английского антрополога Э.Б. Тэйлора, под жертвоприношением понимается «дар, который живые приносят потусторонним силам» (Тэйлор, 2025: 294). По мнению британского востоковеда

У. Тайлера-Смита, жертвы приносились для соединения человека с сакральной сферой бытия. Этой же позиции придерживались исследователи М. Мосс и А. Юбер, доказывая, что жертвоприношения являлись ««мостом» между профанным и сакральным» (Мосс, 2000: 41). Французский философ и культуролог Рене Жирар рассматривал жертвоприношение под другим углом, согласно его концепции, жертвоприношение выполняло функцию переноса коллективной агрессии на символическую жертву, «козла отпущения», избранного для предотвращения разрушительного миметического насилия и восстановления порядка внутри сообществ (Жирар, 2010).

Несмотря на теории об универсальности жертвоприношения как ритуальной практики, уже по названным концепциям и теориям исследователей можно заметить, как интерпретации этого ритуала в научно-исследовательской среде существенно различаются. Да, если проследить значение обряда в широком смысле, то можно заметить параллели и ряд устойчивых структурных черт, позволяющих говорить о его универсальности. По большей части роль жертвоприношения понималась механизмом регуляции отношений между человеком и сверхъестественным началом. В целом, сегодня большинство исследователей пришло к выводу, что «в архаических обществах человеческое жертвоприношение было распространено намного шире, чем предполагали до сих пор» (Сериков, 2021: 77). Однако при переходе от обобщающего взгляда к анализу конкретных традиций становится очевидным, что ритуальные формы и функции жертвоприношения могут существенно различаться. Немаловажную роль в этом играет, несомненно, объект жертвоприношения.

Жертва и дар, как центральные элементы ритуала жертвоприношения, задают не только символический вектор обряда, но и определяют его функцию в рамках конкретной культурной системы. Выбор «жертвы» или «дара», будь то живое существо, куски пищи или ритуальные предметы, напрямую влияет на то, какую роль жертвоприношение выполняет в обществе.

Прежде всего, жертва или дар определяют уровень вовлечения общины в ритуал и степень его интеграции в повседневную жизнь. В культурах, где практиковались животные или пищевые жертвы, жертвоприношения часто становились регулярной частью аграрного или календарного цикла, сопровождаясь общественными пиршествами и ритуальной трапезой. Это превращало акт жертвоприношения в механизм социальной интеграции, укреплявший родовые связи и иерархию. Напротив, в сообществах, где жертвой становился человек или замещающая его фигура, по версии Р. Жирара, ритуал приобретал функцию подавления кризисов, направленную на восстановление общественного порядка или сакральное обновление.

Кроме того, в современном дискурсе исследователи и богословы пытаются выйти за привычные рамки трактовки ритуалов жертвоприношения, переходя в метафизическую плоскость. Так, в католическом мире предлагаются интеграционные модели, которые строятся на основании томистской антропологии. Основная мысль заключается в том, что «у человека существует естественный долг приносить внешнюю жертву» (Spencer, 2022: 231), а сами акты деструкции (включая пролитие крови) следует рассматривать как выражение природной телеологической ориентации человека. И хоть подобное утверждение критикуется, но продолжает рассматриваться и защищаться по сегодняшний день.

Кровь на протяжении истории играла важную роль в духовной и религиозной сфере жизни людей. И по сей день существуют и практикуются религиозные обряды, связанные с кровью. В исламе, например, существует понятие «курбан». В праздник Курбан-Байрам совершается удхия, жертвоприношение, в память о том, как исламский пророк Ибрагим (отождествляется с ветхозаветным пророком Авраамом) был готов по велению Бога принести в жертву своего сына, но в итоге был заколот баран, и эта жертва была принята взамен человеческой. Поэтому на Курбан-Байрам приносят в жертву парнокопытных животных – коз,

коров или овец. Кроме того, в исламе практикуется и «акика» – жертвоприношение баранов в благодарность за рождение детей.

Современное изучение племен Ло, проживающих в Африке, показало, что кровь является не только символом, но и как «материально-агентный элемент реально формирует жизненные состояния через ритуалы, молитвы и практики исцеления» (Opande, Onyango-Ouma, Subbo, 2022: 56). Это значит, что современный подход служит контрапунктом символическим и утилитарным моделям изучения крови в ритуальных обрядах, подчеркивая, что ее анализ должен учитывать также эмпирические эффекты, а не только семантические значения.

Но что же значила кровь для древних людей? Прежде всего, человеческая кровь занимала исключительное место в системе сакральных символов. Ее воспринимали не как физиологическую жидкость человеческого организма, кровь для архаичных людей являласьместилищем жизненной силы. Как отмечают исследователи: «кровь – жидкость особого рода, обладающая символическими функциями» (Кожурин, 2023: 5). Во многих мифологиях и ритуальных практиках кровь отождествлялась с душой или жизненной силой. Потеря крови понималась как утрата самой человеческой сущности, ее пролитие связывали с передачей этой силы в мир духов или же как приношение божествам.

Обратимся к Месопотамии и Древнему Египту. Обе цивилизации формировались в сходных природно-географических условиях на берегу рек, что позволяет рассматривать их ритуальные жертвенные практики в общем пространственно-культурном контексте.

В одном из вариантов появления людей, в шумеро-аккадском мифе о сотворении мира «Энума Элиш» сказано, что люди были созданы Мардуком, верховным богом вавилонского пантеона, когда он «смешал кровь побежденного чудовища Кингу и обычную глину» (Lambert, 2013: 149).

Религия шумер по большей части была связана с аграрной культурой, и кровь скорее была побочным продуктом в их ритуалах. Их жертвоприношения и молитвенные практики были преимущественно ориентированы на просьбы о плодородии, благоприятном разливе рек и сохранении устойчивости хозяйственного цикла. В качестве подношений богам шумеры использовали домашних животных, чаще всего быков и овец. Можно с уверенностью сказать, что у шумеров было «множество богов, которым они постоянно приносили жертвы, постоянно поклонялись и молились» (Крамер, 1965: 112). Кровь не занимала центральное место, но все равно отождествлялась с божественным миром, как проводник к сакральной сфере бытия.

В религиозном представлении древних египтян кровь также связывалась с божественным миром. Бескровные жертвоприношения, когда в дар богам приносилась одежда, пища, драгоценности и т. д., являлись наиболее распространенными ритуалами и проводились чуть ли не каждый день. Как считали египтяне: «богатые жертвоприношения есть непременное условие нильских разливов, без которых жизнь египетского социума невозможна» (Демидчик, 2024: 20). Что же касается кровавых жертвоприношений, то они могли быть как регулярной частью храмового культа, так и элементом особых торжеств, приуроченных к смене сезона, празднованию победы или к просьбам о плодородии, как и у шумеров. При этом кровавые жертвоприношения считались высшей формой религиозного ритуала и совершались не так часто, как другие.

В основном в жертву приносили животных. Если разбирать практику человеческих жертвоприношений, то в Древнем Египте их в первую очередь связывают с «жертвоприношениями слуг», проводимыми во время Первой династии фараонов, в период примерно от около 3100 г. до н. э. по 2900 г. до н. э. Ритуал не получил большого распространения и после окончания Первой династии жертвоприношения прекратились. В отличие от жертвоприношений, направленных на умилоствление богов, данная практика носила выражено социальный и политический характер. Эта форма ритуала предполагала,

что вместе с умершим правителем в загробный мир отправляются и его слуги, чтобы продолжать выполнять свои обязанности и обеспечивать «комфорт фараона» (Morris, 2007: 17) в загробном мире. Подобная практика не была уникальной для Древнего Египта, она известна в ряде древних культур, как например, захоронения знати в Древнем Китае, где в пандусах царских гробниц или в ямах вокруг хоронили слуг, что подразумевалось для них «как продолжение роли в загробной жизни в качестве сопровождающих» (Rawson, Chugunov, Grebnev, Huan, 2020: 146).

Жертва слуг была ориентирована не столько на божественный мир, сколько на фигуру самого фараона, чья власть рассматривалась как сакральная по своей природе. В этом смысле жертвоприношение слуг стоит рассматривать как форму сакрализации социальной иерархии правителя. Однако уже в период Древнего царства данные жертвоприношения постепенно исчезают, уступая место символическим заменителям – статуэткам ушебти, которые должны были магически оживать в загробном мире и исполнять роль живых слуг. Эти статуэтки «в меньшей степени регламентировались канонами, нежели изображения умершего» (Тихомиров, Куракина и др., 2018: 99).

Древнеегипетский бог Шезму занимал уникальное место как жестокий убийца преступников и божественный «винодел». Он был напрямую связан с загробным миром. Его деятельность в древнеегипетском пантеоне была двойственна – с одной стороны, он занимался изготовлением вина, с другой, был божеством, проливающим много чужой крови. В мифологических текстах Шезму описывается как тот, кто «выжимает кровь врагов богов», подобно тому, как из винограда извлекают сок. Как пишут исследователи: «бог виноградного прессы Шезму, с одной стороны, упоминался как приносящий вино Осирису... – а с другой стороны, его изображали выжимающим кровь врагов винным прессом» (Роо, 2010: 2-3). Эта параллель подчеркивала восприятие крови как особого «напитка» для божественного мира – вещества, концентрирующего жизненную силу и служащего подношением высшим силам. И хоть человеческие жертвоприношения не были широко распространены в Древнем Египте, но в обрядах принесения в жертву животных кровь рассматривалась не просто как побочный продукт заклания, а как главная сакральная субстанция, несущая в себе энергию жертвы. Кроме того, по данным некоторых исследований, если все же человеческие жертвоприношения происходили, то на роль жертв «брали преступников, участников мятежей или военнопленных» (Weaver, 2015: 56). То есть выбирали людей, которые либо пренебрегали законом, либо находились вне его. В свою очередь Шезму как «божественный винодел» олицетворял процесс «преобразования» крови преступников в вино – от телесного состояния к духовному дару, который мог быть принят богами. В этом смысле он выступал посредником между актом уничтожения и актом подношения, превращая насилие в священный обмен.

Амбивалентная природа Шезму также объясняет его функции: он был палачом и хранителем благовоний, масел и вин, необходимых для храмовых церемоний. Появление такого бога как Шезму могло иллюстрировать древнеегипетское понимание символики крови – и как источника божественной силы, питающего богов, и одновременно как орудия разрушения, проливающее кровь в наказание врагам. Можно сделать вывод, что эта двойственность отражала египетское представление о крови как о субстанции, способной как даровать жизнь, так и служить средством возмездия.

Далее необходимо обратить внимание на Грецию и Рим. Несмотря на различия в религиозных пантеонах и ритуальной практике, можно обнаружить ряд общих черт в осмыслении жертвоприношений как нормативной формы взаимодействия между человеческим и божественным мирами. Так, в обеих культурах жертвоприношение выступало не только как религиозный ритуал, но и являлось важным социально-политическим актом, закрепляющим социальную идентичность и иерархию.

В религиозной культуре греков жертвоприношение занимало центральное место как в частных, так и в государственных обрядах. Как полагают исследователи: «регулярные жертвоприношения могли составлять основную культовую практику первых жрецов» (Харитоновна, 2020: 114). В кровавых жертвоприношениях в жертву в основном приносился домашний скот. В свою очередь массовые подношения, например, гекатомбы, включавшие заклание десятков животных, имели целью не только умиловать богов, но и укрепить единство полиса. После подобных ритуалов кровь собирали в отдельную чашу, сжигая при этом несъедобные части животных. Небольшое количество крови использовали, чтобы «окроплять алтарь» (Ekroth, 2014: 337), тем самым «возвращая» ее божествам и обеспечивая гармонию космоса.

Стоит отметить, что человеческие жертвоприношения в Древней Греции были редкостью и воспринимались как нечто исключительное. Упоминания о них встречаются в ряде текстов, например, в истории принесения в жертву Ифигении. Но даже в этой легенде в итоге в жертву была принесена лань, так как богиня Артемида, для умилования которой и предназначалось жертвоприношение, сжалилась над девушкой.

Также можно вспомнить цитату Платона из его диалога «Государство», в котором он упоминает о предании святилища Зевса Ликейского: «кто отведал человеческих внутренностей, мелко нарезанных вместе с мясом жертвенных животных, тому не избежать стать волком» (Платон, 1971: 559). И хоть традиционно это высказывание трактуется исследователями как мифологический мотив и философская метафора деградации человеческой природы, в то же время в ходе археологических раскопок на горе Ликаион в жертвенном слое алтаря все же был обнаружен человеческий скелет¹ (The Guardian, 2016), что позволяет допустить, что подобные представления могли иметь под собой ритуально-практическое основание.

В Древнем Риме отношение к человеческим жертвам было схожим: они встречались крайне редко и постепенно стали считаться нарушением римских религиозных норм. Основу жертвенной практики, так же как и в Греции, составляли подношения животных, при этом кровь имела важное ритуальное значение. Так, можно вспомнить суоветаурилию – обряд, когда римскому богу Марсу преподносили в жертву свинью, быка и овцу для очистки и освящения земель. Ритуал мог быть частным и публичным. Частные устраивались в деревнях в праздничные дни, публичные проходили во время государственных церемоний. В этом плане суоветаурилии демонстрируют механизмы сакрализации насилия сходные с греческими гекатомбами. В обоих случаях массовое умерщвление животных совершается от имени общины и в строго регламентированной форме, что позволяет перевести акт насилия в область социально и политически легитимированного действия.

Несмотря на господствующую традицию жертвоприношений животных, античные источники фиксируют случаи человеческих жертвоприношений. Древнеримский историк Тит Ливий сообщает о принесении в жертву двух греков и двух галлов во время Второй Пунической войны – «принесли необычные жертвы <...> грека и гречанку закопали живыми на Бычьем рынке, в месте, огороженном камнями» (Ливий, 1991: 26), что демонстрирует исключительный характер подобных практик, связанных с кризисными ситуациями. Археологические находки в Риме и его окрестностях также «указывают на ритуальные жертвоприношения» (Ottini, Angeletti et al., 2003: 459) людей в ранний период истории, хотя уже во времена поздней Республики и Империи подобные действия рассматривались как варварские и противоречащие римскому праву. Таким образом, можно прийти к выводу, что кровь в римских жертвоприношениях имела двойное значение: с одной стороны, выступала

¹ “Skeletal remains confirm ancient Greeks engaged in human sacrifice”, *The Guardian*, 10 Aug. 2016, URL: <https://www.theguardian.com/science/2016/aug/10/skeletal-remains-confirm-ancient-greeks-engaged-in-human-sacrifice> (Accessed: 15 December 2025).

как символ жизни и очищения, с другой – в исключительных случаях становилась маркером крайней жертвы ради спасения государства.

В ведической традиции Индии восприятие человеческих жертвоприношений имело сложный характер. Ритуал принесения в жертву представителей индийских каст, брахманов и кшатриев, обозначался термином «Пурушамедха». Он описывался в Яджурведе, одной из четырех индуистских Вед. Избранный должен был сам добровольно решиться отдать свою жизнь, в ином случае людей для ритуала покупали заранее, и в течение долгого времени, до года, купленный человек мог жить обыкновенной жизнью. В индуистских текстах человеческие жертвы всегда ставились выше животных – «в списке жертвенных животных он рассматривался первым по значимости, за ним следовали бык, лошадь, баран и козел» (Альбедиль, 2020: 9). Как считают исследователи, если подобные жертвоприношения и были распространены, то только в ранний ведийский период истории Индии, позднее они так и не вошли в устойчивую практику, а с распространением в Индии буддизма и джайнизма вовсе произошло замещение реальных жертв на символические.

Однако не все исследователи склоняются к такому выводу, многие считают, что жертвы с самого начала были символическими. Как пишет А. Парпола, «в древнейших источниках описывается как приношение человеческой жизни богам, однако в большинстве случаев акт убийства заменялся символическим “освобождением” жертвы» (Parola, 2007: 91). В целом, можно утверждать на основании Вед и связанных с Брахманами текстов, что человеческая жертва рассматривалась как предельный акт ритуального насилия, инструмент выражения максимального подчинения божественной воле, но ее практическая реализация в большинстве случаев либо не завершалась, либо была символической, а также и вовсе могла заменяться другими формами ритуала.

Переходя к цивилизациям Мезоамерики, следует отметить, что именно в этих культурах человеческие жертвоприношения получили наиболее оформленный и ритуально обоснованный характер. В отличие от античного мира, где подобные практики носили исключительный характер, здесь они встраивались в устойчивые религиозные системы и приобретали четкое космологическое и ритуальное обоснование. Человеческие жертвоприношения в Южной Америке особенно четко показывают отношения к крови как объекту, связывающему мир человеческий и сакральный.

В религиозной традиции ацтеков кровь и жертвы имели фундаментальное значение для поддержания космического и социального порядка. Кровавые человеческие жертвоприношения существовали в доколумбовых цивилизациях и до появления ацтеков, уже у ольмек (1500–400 гг. до н. э.), цивилизации, предшествующей позднейшим народам региона. Ацтеки воспринимали мир как арену постоянной борьбы с надвигающейся гибелью мира. Кроме того, в их религиозном мировоззрении существовал концепт «чулель» – душа, внутренняя энергия, которая находилась в сердце и в кровеносных сосудах человека, эта энергия не только поддерживала жизнь, но и одновременно являлась основным источником, питающим богов. В мифологии ацтеков мир создан благодаря жертве богов, и в свою очередь для его поддержания уже люди должны жертвовать своими жизнями. В ходе ритуалов жертвоприношения сердца и кровь избранных жертв приносились богам, в первую очередь богу солнца и войны – Уицилопочтли. Солнце нуждалось в человеческой крови, чтобы продолжать свой путь по небесной сфере, а значит, поддержка жизни всего мира зависела от регулярных ритуальных жертвоприношений. Они становились не только религиозным актом, но и метафизическим условием существования вселенной. Как пишут исследователи: «Жертвоприношение – священный долг по отношению к солнцу и необходимость для блага самих людей. Без этого сама жизнь во Вселенной пресечется» (Сустель, 2007: 131).

Ритуалы жертвоприношений в Мезоамерике включали множество форм: от ритуального вырывания сердца до кровопусканий, когда жрецы и знать прокалывали уши, язык или

половые органы, принося собственную кровь богам. Приносимых в жертву богам людей именовали «шочимики», и это могли быть как военнопленные и рабы, так и обычные жители, которые вызывались добровольцами. Помимо Уицилопочтли ацтеки приносили жертвы и другим богам. Особо крупные ритуальные жертвоприношения сопровождалось массовыми празднествами, которые выполняли как сакральную, так и социально-политическую функцию. С одной стороны, они обеспечивали «кормление богов» жизненной энергией, а с другой, демонстрировали мощь правящей элиты и легитимность ее власти. В ацтекской религии кровь становилась самостоятельной сакральной субстанцией, напрямую связанной с жизненной энергией и божественным питанием. Таким образом, человеческие жертвоприношения у ацтеков не только отражали религиозные представления, но и интегрировали насилие в саму структуру миропонимания и общественного порядка.

Проведя сравнительный анализ жертвенных практик в различных культурах, можно заметить, что кровь и человеческая жизнь в религиозном сознании воспринимались как высшая форма дара, связывающая мир людей и богов. Несмотря на различия в мифологических системах, везде прослеживается единая логика – кровь символизировала жизненную силу, необходимую для поддержания космического порядка и связи с трансцендентным. В античной традиции (Греция и Рим) кровавые жертвы могли выполнять функцию сакрализации политического и общественного порядка. В Индии, напротив, ритуалы яджны с элементами кровавых жертв имели ярко выраженный космогонический характер. В Мезоамерике же ритуальное насилие достигло максимальной сакрализации – кровь человека и его сердце, рассматривались как прямое «топливо» для богов и условие существования вселенной, что делало жертву не столько актом насилия, сколько онтологической необходимостью.

Археологические и палеопатологические исследования также показывают, что кровь собиралась или проливалась на алтари, что указывает на строго регламентированные процедуры. Данные из Древней Греции и Рима свидетельствуют, что определенные социальные группы и исполнители ритуалов имели прямой доступ к крови жертв, выполняя специальные функции в церемонии, а сами действия с кровью несли сакральное значение для всего сообщества.

Таким образом, кровавое жертвоприношение в религиозных практиках древних цивилизаций функционирует как особый механизм трансформации насилия, переводящий акт уничтожения из разрушительной сферы в пространство сакрально санкционированного действия. Включение насилия в строго регламентированный ритуальный контекст, сопровождаемый пролитием крови, позволяет придать ему нормативный характер и связать с поддержанием космического, социального или политического порядка. При этом сравнительное рассмотрение различных культурных традиций демонстрирует отсутствие универсального значения крови. В одних обществах она выступает вспомогательным, одним из элементов, в других – центральной сакральной субстанцией. Таким образом, кровавое жертвоприношение можно рассматривать как культурный и религиозный ритуал, посредством которого древние общества концептуализировали допустимые формы насилия и интегрировали их в устойчивую систему религиозных и социальных представлений.

Литература

Альбедиль, М. Ф. (2020), «Древнеиндийские ритуалы жертвоприношения: единственность человека и животного», *Кунсткамера*, 3, 7-13. DOI: 10.31250/2618-8619-2020-3(9)-07-13; EDN: FROHBO

Демидчик, А. Е. (2024), «Ценность человеческой жизни в древнеегипетской религии на рубеже III-II тысячелетий до н. э.», *Шаги / Steps*, 10(2), 14-33. DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-2-14-33; EDN: QMZDAS

- Жи́рар, Р. (2010), *Козел отпущения*, пер. с фр. Дашевский, Г., Изд-во Ивана Лимбаха, Санкт-Петербург. EDN: QVAARZ
- Кожурин, А. Я. (2023), «Кровь и порядок (символические функции крови в истории человеческих сообществ)», *Журнал интегративных исследований культуры*, 5(1), 5-16. DOI: 10.33910/2687-1262-2023-5-1-5-16; EDN: PAIFAS
- Крамер, С. Н. (1965), *История начинается в Шумере*, под ред. и с предисл. Струве, В. В., перевод Мендельсона, Ф. Л., Наука, Москва.
- Ливий, Т. (1991), *История Рима от основания города. Том II*, перевод Зелинского, Ф. Ф. и Сергеенко, М., Наука, Москва.
- Мосс, М. (2000), *Социальные функции священного*, пер. с франц. под общ. ред. Утехина, И. В., науч. ред. Утегин, И. В. Геренко, Н. М. сост. Трофимов, В. Ю., Евразия, Санкт-Петербург.
- Платон (1971), *Сочинения: в 3 т. Т. 3. Ч. 1*, пер. с древнегреч., под общ. ред. Лосева, А. Ф. и Асмуса, В. Ф. Мысль, Москва.
- Сустель, Ж. (2007), *Повседневная жизнь ацтеков накануне испанского завоевания*, пер. с фр. Колодочкиной, Е. В., Молодая гвардия, Палимпсест, Москва.
- Сериков, А. Е. (2021), «Универсальность человеческого жертвоприношения», *Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Философия*, 3(3), 76-82. EDN: LGRYHM
- Тихомиров, С., Куракина, И., Ванюшкина, Л. и Дмитриева, Л. (2018), *История искусств. Эпохи и образы*, Юрайт, Москва. EDN: GDPLWW
- Тэйлор, Э. (2025), *Первобытная культура*, пер. Коропчевского, Д. А., Ивина, А., под ред. Никольского, В. К., Юрайт, Москва. EDN: ICOJSW
- Харитонов, Ю. Г. (2020), «Феномен жречества в древнегреческой религии в западном антиковедении XIX–XXI веков: концептуальные схемы и исследовательские перспективы», *Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. Религиоведение*, 87, 109-127. DOI: 10.15382/sturI202087.109-127; EDN: LOFCZP
- Ekroth, G. (2014), “Animal Sacrifice in Antiquity”, in Campbell, G. (ed.), *The Oxford Handbook of Ancient Animals (Oxford Handbooks in Classics and Ancient History)*, in Campbell, G. L. (ed.), Oxford University Press, Oxford, UK, 324-354.
- Lambert, W. G. (2013), *Babylonian Creation Myths*, Eisenbrauns, Winona Lake, IN, USA
- Morris, E. F. (2007), “Sacrifice for the State: First Dynasty Royal Funerals and the Rites at Macramallah's Rectangle”, in Laneri, N. (ed.), *Performing Death: Social Analyses of Ancient Near East and Mediterranean*, Oriental Institute, Chicago, USA, 15-39.
- Orpande, K., Onyango-Ouma, W. and Subbo, W. (2022), “Blood Follows Blood: Dimensions of Life Plurality among the Luo of Western Kenya”, *Social Analysis*, 67(2), 43-61. DOI:10.3167/sa.2022.660203
- Ottini, L., Angeletti, L. R., Pantano, W. B., Falchetti, M., Minozzi, S., Fortini, P., Catalano, P. and Costantini, R. M. (2003), “Possible Human Sacrifice at the Origins of Rome: Novel Skeletal Evidences”, *Medicina nei Secoli*, 15 (2), 459-468. PMID: 15682539
- Parpola, A. (2007), “Human Sacrifice in India in Vedic times and before”, *The Strange World of Human Sacrifice*, in Bremmer, J. N. (ed.), Peeters Publisher, Leuven, Belgium.
- Poo, M. (2010), “Liquids in Temple Ritual”, in J. Dieleman & W. Wendrich (eds), *UCLA Encyclopedia of Egyptology*, Online, Available at: <http://escholarship.org/uc/item/7gh1n151> (Accessed: 10.10.2025)
- Rawson, J., Huan, L., Chugunov, K. and Grebnev, Y. (2020), “Chariotry and Prone Burials: Reassessing Late Shang China's Relationship with Its Northern Neighbours”, *Journal of World Prehistory*, 33(2), 135-168. DOI: 10.1007/s10963-020-09142-4; EDN: APMRMA
- Spencer, M. K. (2022), “A Metaphysics of Blood Sacrifice”, *Proceedings of the American Catholic Philosophical Association*, 96, 219-237. DOI: 10.5840/ACPAPROC202536166
- Weaver, S. (2015), *Egyptian Mythology: Gods, Pharaohs and Book of the Dead of Egyptian Mythology*, CreateSpace Independent Publishing Platform, North Charleston, USA

References

- Albedill, M. F. (2020), “Ancient Indian Sacrificial Rituals: on the Consubstantiality of Man and Animal in Hinduism”, *Kunstkamera*, 3, 7-13 (in Russ.). DOI: 10.31250/2618-8619-2020-3(9)-07-13; EDN: FROHBO
- Demidchik, A. E. (2024), “The Value of Human Life in Ancient Egyptian Religion at the Turn of the 3rd–2nd Millennia BC”, *Steps / Шаги*, 10(2), 14-33. (in Russ.). DOI: 10.22394/2412-9410-2024-10-2-14-33; EDN: QMZDAS
- Girard, R. (2010), *Kozel otpushcheniya* [The Scapegoat (Le bouc émissaire)], Translated from French by Dashevsky, G., Ivan Limbach Publishing House, St. Petersburg, Russia (in Russ.). EDN: QVAARZ
- Kozhurin, A. Ya. (2023), “Blood and Order (Symbolic Functions of Blood in the History of Human Communities)”, *Journal of Integrative Cultural Studies*, 5(1), 5-16 (in Russ.). DOI: 10.33910/2687-1262-2023-5-1-5-16; EDN: PAIFAS
- Kramer, S. N. (1965), *Istoriya nachinayetsya v Shumere* [History Begins in Sumer], Translated by Mendelssohn, F. L., in Struve, V. V. (ed.), Nauka, Moscow, USSR (in Russ.).
- Livius, T. (1991), *Istoriya Rima ot osnovaniya goroda. Tom II* [History of Rome from the Foundation of the City, Vol. II], Transl. by Zelinsky, F. F. and Sergeenko, M., Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).
- Mauss, M. (2000), *Sotsialnyye funktsii svyashchennogo* [Social Functions of the Sacred], Transl. from French, in I. V. Utekhin and N. M. Gerenko (ed.), comp. by Trofimov, V. Yu., Eurasia, St. Petersburg, Russia (in Russ.).
- Plato (1971), *Sochineniya: v 3 t. T. 3. Ch. 1*, [Works: in 3 vols., Vol. 3, Part. 1], Transl. from ancient Greek by Losev, A. F. and Asmus, V. F. (ed.), Mysl, Moscow, USSR, (in Russ.).
- Soustelle, J. (2007), *Povsednevnyaya zhizn atstekov nakanune ispanskogo zavoyevaniya*, [Everyday Life of the Aztecs on the Eve of the Spanish Conquest], Translated from French by Kolodochkina, E. V., Molodaya Gvardiya, Palimpsest, Moscow, Russia, (in Russ.).
- Serikov, A. E. (2021), “Universality of Human Sacrifice”, *Bulletin of Samara State Technical University. Series: Philosophy*, 3(3), 76-82. (in Russ.). EDN: LGRYHM
- Tikhomirov, S., Kurakina, I., Vanyushkina, L. and Dmitrieva, L. (2018), *Istoriya iskusstv. Epokhi i obrazy*, [History of Art: Epochs and Images], Yurait, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: GDPLWW
- Tylor, E. (2025), *Pervobytnaya kultura*, [Primitive Culture], Translated by Koropchevsky, D. A. and Ivin, A., in Nikolsky, V. K. (ed.), Yurait, Moscow, Russia (in Russ.). EDN: ICOJSW
- Kharitonova, Yu. G. (2020), “The Phenomenon of Priesthood in Ancient Greek Religion in Western Classical Studies of the 19th–21st Centuries: Conceptual Models and Research Perspectives”, *Bulletin of St. Tikhons Orthodox University. Series I: Theology, Philosophy, Religious Studies*, 87, 109-127 (in Russ.). DOI: 10.15382/stur1202087.109-127 EDN: LOFCZP
- Ekroth, G. (2014), “Animal Sacrifice in Antiquity”, in Campbell, G. (ed.), *The Oxford Handbook of Ancient Animals (Oxford Handbooks in Classics and Ancient History)*, in Campbell, G. L. (ed.), Oxford University Press, Oxford, UK, 324-354.
- Lambert, W. G. (2013), *Babylonian Creation Myths*, Eisenbrauns, Winona Lake, IN, USA.
- Morris, E. F. (2007), “Sacrifice for the State: First Dynasty Royal Funerals and the Rites at Macramallahs Rectangle”, in Laneri, N. (ed.), *Performing Death: Social Analyses of Ancient Near East and Mediterranean*, Oriental Institute, Chicago, USA. 15-39.
- Opande, K., Onyango-Ouma, W. and Subbo, W. (2022), “Blood Follows Blood: Dimensions of Life Plurality among the Luo of Western Kenya”, *Social Analysis*, 67(2), 43-61. DOI:10.3167/sa.2022.660203
- Ottini, L., Angeletti, L. R., Pantano, W. B., Falchetti, M., Minozzi, S., Fortini, P., Catalano, P. and Costantini R. M. (2003), “Possible Human Sacrifice at the Origins of Rome: Novel Skeletal Evidences”, *Medicina nei Secoli*, 15 (2), 459-468. PMID: 15682539
- Parpola, A. (2007), “Human Sacrifice in India in Vedic times and before”, *The Strange World of Human Sacrifice*, in Bremmer, J. N. (ed.), Peeters Publisher, Leuven, Belgium.
- Poo, M. (2010), “Liquids in Temple Ritual”, in J. Dieleman & W. Wendrich (eds), *UCLA Encyclopedia of Egyptology*, Online, Available at: <http://escholarship.org/uc/item/7gh1n151> (Accessed: 10.10.2025)
- Rawson, J., Huan, L., Chugunov, K. and Grebnev, Y. (2020), “Chariotry and Prone Burials: Reassessing Late Shang Chinas Relationship with Its Northern Neighbours”, *Journal of World Prehistory*, 33(2), 135-168. DOI: 10.1007/s10963-020-09142-4; EDN: APMRMA

Spencer, M. K. (2022), "A Metaphysics of Blood Sacrifice", *Proceedings of the American Catholic Philosophical Association*, 96, 219-237. DOI: 10.5840/ACPAPROC202536166

Weaver, S. (2015), *Egyptian Mythology: Gods, Pharaohs and Book of the Dead of Egyptian Mythology*, CreateSpace Independent Publishing Platform, North Charleston, USA.

*Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.
Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.*

ОБ АВТОРЕ:

Мандриков Илья Алексеевич, аспирант кафедры философии и теологии, институт общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; *il.mandrikoff@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHOR:

Ilya A. Mandrikov, Postgraduate Student, Department of Philosophy and Theology, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russia; *il.mandrikoff@yandex.ru*